

возглашал возвышенный духовный поиск рыцарского идеала, а у М. Светлова мотив пути переплетается с мотивом служения и поиска самого себя.

Во-вторых, в поэзии акмеистов мир разделяется на две сферы – реальность и сказку. Неоромантический герой находится в конфронтации с реальным миром, но не бездействует, а всеми силами стремится достичь желаемого, не останавливаясь даже перед смертью. Но если у Н. Гумилева рубеж смерти преодолевается физическим действием, то у Э. Багрицкого и М. Светлова, как правило, смерть побеждается чем-то духовным – тем, что человек оставляет после себя. Лирический герой Э. Багрицкого сравнивает себя с заключенным в клетку соловьем, а у М. Светлова он страдает тоской по далекому и недостижимому и вспоминает давно ушедших. Таким образом, несколько миров существуют как бы в одном измерении, но в разных плоскостях.

Помимо прочего, чтобы добиться «акмеистического эффекта» поэты постоянно использовали прием колористики, и, играя со словесным воплощением цвета, эпитетами, метафорами, экзотизмами, создавали насыщенные, предметные образы.

В результате можно сделать вывод, что акмеизм, сформировавшийся на базе неоромантизма, породил, благодаря Н. Гумилеву, акмеистическую школу, продолжившую свое существование в СССР и реализовавшую определенные мотивы в творчестве Михаила Светлова и Эдуарда Багрицкого. Несмотря на свою «непохожесть», лирика этих поэтов во многом соотносится с гумилевской и представляет собой интерес для современных литературоведов и историков литературы.

СВОЕОБРАЗИЕ ПАРОДИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «МОЁ ВДОХНОВЕНИЕ» И «ШЕЯ»)

К. Починова

филологический факультет

Научный руководитель – доц. **Т.В. Журчева**

Исследование посвящено анализу пародийных произведений, созданных вымышленным автором. С уверенностью можно сказать, что этот псевдоним превратился в самую известную русскую литературную маску, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50-60 годы XIX века поэты Алексей Толстой (наибольший в количественном исчислении вклад), братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы (фактически – их коллективный псевдоним).

Пародия довольно сложно и многообразно изучалась, есть разные подходы к пониманию этого явления. Для своего сообщения я выбрала наиболее распространённое понятие. Пародия – (из греч. Буквально – пе-

репев; комическая переделка) – жанр литературно-художественной имитации, подражание стилю отдельного произведения, автора, литературного направления, жанра с целью его осмеяния.

Конкретнее хотелось бы остановиться на известном всем стихотворении Александра Сергеевича Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» и стихотворении Козьмы Пруткова «Моё вдохновение».

Стихотворение Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» было написано 26 декабря 1829 года. Оно представляет собой философское размышление над тридцатилетним итогом жизни поэта. Его мысли устремлены лишь к одному: «Мы все сойдём под вечны своды...» Возникают ассоциации из мира природы: уединённый дуб, который переживёт его век, как пережил он век отцов...

Для стихотворения не характерны просторечные слова и «смешение стилей». Мысль о смерти нагнетается в стихотворении постепенно, и в каждом следующем выразительном образе чувствуется все большая неизбежность кончины. Если проследить ряд эпитетов, использованных Пушкиным, сразу можно увидеть, как меняется эмоциональная окраска слов и контекста в целом. От шума и многолюдности поэт приводит нас к мысли о вечности: «шумных», «многолюдный», «безумных»; «уединенный», «забвенный»; «охладельный», «бесчувственному», «гробового»; «равнодушная», «вечною».

В стихотворении поэт передает движение. Это движение поэтической мысли, путь к вечности через смерть. Логика движения от шумных улиц к уединённому гробовому входу. Представление об этом может дать сравнение отображенных Пушкиным глаголов: «брожу», «сизжу», «хожу», «предаюсь», «гляжу», «мыслю», «уступаю», «сойдем». Все они стоят в первом лице, что подчеркивает субъективность, замкнутость, индивидуальность мысли поэта, причём все глаголы в единственном числе – т.е. о себе лично, а последний глагол во множественном – обобщение, общий закон жизни.

В стихотворении представлен образ мироздания. Бренность бытия противостоит вечности жизни. Лирический субъект переживает личную трагедию, осознавая, что хоть человек и включён в вечное бытие, но плоть тленна. Однако он находит своеобразное утешение в том, что дух бессмертен и на смену всегда приходит младая жизнь. Также важен и мотив умирания в родном пределе. Хотя и бесчувственному телу будет всё равно где истлеть, но духу это небезразлично. Его мечта заключается в том, чтобы быть похороненным «ближе к милому пределу», то есть на родине, а не на чужбине.

Теперь обратимся к стихотворению Козьмы Пруткова «Моё вдохновение». Прутков стилизует стилистику, зачин, но фактически это оригинальный текст, который аллюзивно отсылает нас к прецедентному тексту Александра Сергеевича Пушкина. Горизонт наших читательских ожида-

ний обманывается сразу же после прочтения. Лирический субъект Козьмы Пруткова (речь ведётся от некоего я-поэта) тоже размышляет, но он погружён уже в другие, более актуальные проблемы. Можно сделать вывод, что Козьма Прутков не хочет пародировать Пушкина. Ему важно задать некий фон, настроение этим элегическим посылом. Он отказывается от точного воспроизведения ритма, строфики, размера, но аллюзия есть и она достаточно прозрачна. Здесь лирический субъект возвышен над толпою, презирает всех смертных людей и ставит себя выше всех. Единственное, что он пародирует, так это приём – пребывание лирического субъекта среди людей, природы, которая не отвращает его от думы.

Как и говорилось выше, Козьма Прутков разнообразен в своих пародиях. Например, в стихотворениях В.Г. Бенедиктова «Кудри» и К. Пруткова «Шея», мы наблюдаем совсем уже за другим видом пародии, заметно отличающимся от предыдущего.

Бенедиктов менее известен читателю, чем Пушкин, но Козьма Прутков сразу же отсылает нас к его творчеству, указывая кому он посвящает данное стихотворение. Изначально бросается в глаза, что в первом стихотворении только один катрен посвящён кудрям, а во втором уже два шее, то есть Козьма Прутков усиливает приём и доводит анафору до предела. Первый текст это целая житейская история, не лишённая романтики. Лирический субъект испытывает вожделение к деве-чародейке и обращается к ней с любовью, перечисляя все её достоинства, уделяя особое внимание кудрям. Переживает о том, кто ж будет владельцем этой россыпи и кто будет эти волны черпать жадною рукой? Во втором тексте смысл кажется схожим с первым, но он уже очевидно снижен, забытовлён. Лирический субъект Козьмы Пруткова не просто перечисляет все достоинства шеи девы, а даёт им конкретные определения, и каждое новое определение становится всё более нагнетающим: в конце списка он определяет шею уже как мрамора кусок! Дальше он называет её уже выей – другое слово привносит новый смысл, совсем другим становится и сам стиль, хотя анатомически то же самое, но впечатления меняются. Он обрубаёт все романтические чувства своей грубостью, и даже поцелуй уже не говорит о любви: «Кто тебя, дыханьем грея, поцелуем пропечёт?» Лирического субъекта заботит только то, кто же будет беречь эту драгую шею от солнца, чтобы её не покрыл загар, чтобы ею не пленился злой комар, чтобы она не запылилась и не иссушилась.

Мы наблюдаем как бы за развенчанием того смысла, что был в стихотворении Бенедиктова и проводится оно так, как обычно и происходит в пародии: посредством известного «пересаливания», путём доведения до предела.

На примере двух пародий следует вывод, что авторы за литературным именем Козьмы Пруткова прибегали не к прямому пересмешничеству, а чаще к игре со стилем и аллюзии.